МРНТИ 02.41.41 https://doi.org/10.26577/jpcp973202611

В.И. Антонов

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления,
Улан-Удэ, Российская Федерация
e-mail: wlanto@rambler.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ СУДЬБЫ НАРОДА И ДОСТОИНСТВА НАЦИИ

Основная цель статьи состоит в необходимости исследования феномена национальной идентичности. Постановка и осуществление этой цели реализуются в трех исследовательских блоках, которые представляют во взаимосвязи не только различные и конкретные аспекты национальной идентичности, но и смежные предметно-понятийные области. Эти блоки заданы и рассмотрены сообразно основным разделам статьи: 1) анализируется соотношение понятий нации и национальной идентичности; выявляются объективная связь и характер детерминации национальной идентичности судьбой народа; национальная идентичность рассматривается как сложное, многомерное явление и одновременно как целостно-интегративное образование. 2) раскрываются особенности взаимосвязи национальной идентичности и национального образа мировосприятия, определяются степень и характер их взаимообусловленности и взаимозависимости; дается характеристика национальной идентичности через призму императивности признания и уважения национального достоинства, оно определяется как универсальный атрибут, основанный на внутренней ценности людей (личности и нации в целом). 3) тщательно и всесторонне рассматриваются первопричины декабрьских событий 1986 года в Казахстане, ставших неопровержимым историческим примером открытого и демократического отстаивания молодежью национального достоинства народа, его национальной идентичности; при этом показывается, что уроки сорокалетней давности, вынесенные из тех драматических событий, ныне продолжают сохранять свой поучительный и значимый характер в межнациональных и международных отношениях.

Методология исследования основана на многообразии подходов к рассмотрению феномена национальной идентичности. В работе по мере необходимости и целесообразности, в т. ч. имплицитно, используются как традиционные, так и современные методы, многим из которых присущ междисциплинарный характер.

В статье даются выводы, отражающие научную значимость и оригинальное содержание исследования в следующих аспектах: единство национальной идентичности и судьбы народа; специфика взаимосвязи национальной идентичности и национального образа мировосприятия; объективная связь национальной идентичности и национального достоинства.

Ключевые слова: национальная идентичность, судьба народа, многомерное и целостно-интегративное явление, национальный образ мировосприятия, национальное достоинство.

V.I. Antonov

East Siberian State University of Technology and Management,
Ulan-Ude, Russian Federation
e-mail: wlanto@rambler.ru

National identity in the mirror of fate the people and the dignity of the nation

The main purpose of the article is the need to study the phenomenon of national identity. The formulation and implementation of this goal are implemented in three research blocks, which represent not only various and specific aspects of national identity, but also related subject and conceptual areas. These blocks are defined and reviewed according to the main sections of the article.: 1) the correlation of the concepts of nation and national identity is analyzed; the objective connection and the nature of the determination of national identity by the fate of the people are revealed.; National identity is considered as a complex, multidimensional phenomenon and at the same time as a holistic and integrative education. 2) the features of the interrelation of national identity and national way of world perception are revealed, the degree and nature of their interdependence and interdependence are determined; national identity is characterized through the prism of the imperative of recognition and respect for national dignity, it is defined as a universal attribute based on the inner value of people (personality and nation as a whole). 3) the root causes of the December 1986 events in Kazakhstan, which became an irrefutable

 © 2026 Al-Farabi Kazakh National University

historical example of an open and democratic defense of the national dignity of the people and their national identity, are thoroughly and comprehensively examined; it is shown that the lessons of forty years ago, learned from those dramatic events, now continue to retain their instructive and significant character in interethnic and international relations..

The research methodology is based on a variety of approaches to the consideration of the phenomenon of national identity. The work uses both traditional and modern methods, many of which are interdisciplinary in nature, as needed and appropriate, including implicitly.

The article provides conclusions reflecting the scientific significance and original content of the research in the following aspects: the unity of national identity and the fate of the people; the specifics of the relationship between national identity and national way of worldview; the objective relationship of national identity and national dignity.

Keywords: national identity, the fate of the people, multidimensional and integrative phenomenon, national way of world perception, national dignity.

В.И. Антонов

Шығыс Сібір мемлекеттік технологиялар және басқару университеті,
Улан-Удэ, Ресей Федерациясы
e-mail: wlanto@rambler.ru

Ұлттық бірегейлік халық тағдыры мен ұлт қадір-қасиетінің айнасында

Мақаланың негізгі мақсаты – ұлттық бірегейлік феноменін зерттеудің қажеттілігін негіздеу. Осы мақсатты тұжырымдау және жүзеге асыру ұлттық бірегейліктің әртүрлі әрі өзіндік қырларын ғана емес, сонымен қатар өзара байланысты пәндік және ұғымдық салаларды қамтитын үш зерттеу блогы негізінде жүргізіледі. Бұл блоктар мақаланың негізгі бөлімдеріне сәйкес айқындалып, қарастырылады.

Біріншіден, ұлт және ұлттық бірегейлік ұғымдарының арақатынасы талданып, ұлттық бірегейліктің халық тағдырымен объективті байланысы және оның халық тағдыры арқылы айқындалу сипаты ашылады. Ұлттық бірегейлік күрделі, көпқырлы феномен әрі тұтас және интегративті құрылым ретінде қарастырылады.

Екіншіден, ұлттық бірегейлік пен дүниені ұлттық тұрғыдан қабылдау тәсілінің өзара байланысының ерекшеліктері ашылып, олардың өзара тәуелділігінің дәрежесі мен сипаты айқындалады. Ұлттық бірегейлік ұлттық қадір-қасиетті мойындау және құрметтеу императиві тұрғысынан сипатталып, адамның (жеке тұлғаның және тұтас ұлттың) ішкі құндылығына негізделген әмбебап атрибут ретінде анықталады.

Үшіншіден, халықтың ұлттық қадір-қасиеті мен ұлттық бірегейлігін ашық әрі демократиялық жолмен қорғаудың даусыз тарихи үлгісіне айналған Қазақстандағы 1986 жылғы Желтоқсан оқиғаларының түпкі себептері жан-жақты әрі кешенді түрде қарастырылады. Осы драмалық оқиғалардан алынған қырық жыл бұрынғы тарихи сабақтардың қазіргі кезеңде де этносаралық және халықаралық қатынастар үшін тағылымдық әрі маңызды мәнін сақтап отырғаны көрсетіледі.

Зерттеу әдіснамасы ұлттық бірегейлік феноменін қарастырудың әртүрлі тәсілдеріне негізделген. Зерттеуде дәстүрлі және заманауи әдістер қажеттілігі мен мақсатқа сәйкестігіне қарай қолданылады, олардың көпшілігі пәнаралық сипатқа ие және бірқатар жағдайда имплицитті түрде жүзеге асырылады.

Мақалада зерттеудің ғылыми маңыздылығы мен өзіндік мазмұнын көрсететін мынадай негізгі аспектілер бойынша қорытындылар жасалады: ұлттық бірегейлік пен халық тағдырының бірлігі; ұлттық бірегейлік пен дүниені ұлттық тұрғыдан қабылдау тәсілі арасындағы өзара байланыстың ерекшеліктері; ұлттық бірегейлік пен ұлттық қадір-қасиеттің объективті өзара байланысы.

Түйін сөздер: ұлттық бірегейлік, халық тағдыры, көпқырлы және интегративті феномен, дүниені ұлттық тұрғыдан қабылдау тәсілі, ұлттық қадір-қасиет.

Введение

Феномен, заложенный в постановке вопроса: «Что такое национальная идентичность?», за истекшие три десятилетия, так или иначе (зримо или незримо, осмысленно или неосознанно, целенаправленно или эмоционально-спонтанно), стал успешно пробивать себе дорогу и неминуемо завоевывать соответствующее место в обширном социально-политическом, духовно-культурном, интеллектуально-научном, гуманитарно-исследовательском поле на двух постсоветских пространственных уровнях (РФ, СНГ). Но если следовать объективной логике и реалиям жизни, то первичные истоки данного явления в практическом плане проявлялись еще в позд-

ний период СССР, в так называемую горбачевскую перестройку. При этом феномен «Идентичность» (первоначально не являвший себя как сложившееся понятие со строго очерченной дефиницией, т.е. воспринимавшийся скорее, особенно – в национальном самосознании, как некоторое общее представление человека о его естественной принадлежности и отнесенности к определенной этнической общности) за прошедшие десятилетия не только устоялся терминологически. Данный феномен, несмотря на множество разноракурсных, разноаспектных подходов и определений, более или менее сформировался как понятийно, категориально фундированное образование. Тем самым он во многом обрел характер научного концепта, став предметом интенсивных междисциплинарных исследований.

«Термин “идентичность” символически (семиотически), понятийно и на концептуальном уровне довольно-таки прочно устоялся в социогуманитарных науках (культурология, философия, психология). Этот термин глубоко проник в этнологию. Он обрел в ней статус важнейшего аналитического понятия (категории) благодаря интенсивному и успешному его применению в разработке многих актуальных этнонациональных вопросов» (Антонов, Пуревсурен, Эрдэнэчимэг, 2025).

Более того, как констатирует И. В. Малыгина, «растущий в геометрической прогрессии массив публикаций “на тему” позволяет говорить о том, что фактор идентичности сегодня с одинаковым основанием претендует на статус как триггера, так и универсального “объяснительного принципа” многих актуальных явлений и процессов…» (Малыгина, 2025).

И действительно, актуализация фактора идентичности в современных условиях эксплицируется ее поразительной семантической и функциональной разветвленностью, ее постоянной и реальной востребованностью в исследовательской практике. Она отличается несомненной эвристической действенностью, задающей творчески-поисковый импульс в обширном поле социально-гуманитарных наук. Этому феномену, можно сказать, присуща «способность» буквально веером конкретизированных значений охватывать многие сферы и аспекты научного знания. Причем в каждой из них идентичность получает достаточно строгое и изоморфное наименование: индивидуальная, этногрупповая, национальная, культурная, социальная, религиозная, расовая, гендерная, гражданская, цивилизационная, геополитическая, даже виртуальная и т.д.. Потому совсем неудивительно то, что понятие идентичности зачастую предстает перед исследователем как многоликое, многомерное и многофункциональное явление. Этим во многом также определяются методологический статус и значение данного понятия.

Отсюда в качестве объекта исследования в статье рассматривается понятие идентичности, взятое в широком понятийно-аналитическом и функционально-смысловом спектре. Основной целью и предметом исследования выступает феномен национальной идентичности. Постановка и осуществление этой цели реализуются в соответствующих исследовательских задачах, сгруппированных в три аналитических блока: а) соотношение понятий нации и национальной идентичности; объективная связь и характер детерминации национальной идентичности судьбой народа; национальная идентичность как сложное, многомерное явление и как целостно-интегративное образование. б) особенности взаимосвязи национальной идентичности и национального образа мировосприятия, степень и характер их взаимообусловленности и взаимозависимости; национальная идентичность, основанная на императивности признания и уважения национального достоинства, национальное достоинство как универсальный атрибут, основанный на внутренней ценности людей (личности и нации в целом). в) первопричины декабрьских событий 1986 года в Казахстане как доказательный исторический пример открытого и демократического отстаивания молодежью национального достоинства народа, его национальной идентичности; уроки сорокалетней давности, вынесенные из тех драматических событий, и их поучительный и значимый характер в современных межнациональных и международных отношениях.

Это, имеется в виду компетентное обращение и раскрытие завершающего блока аналитических задач, как раз придает авторскому исследованию, наряду с научно-теоретическим характером осмысления проблемы и ее конкретных аспектов, смежных предметно-понятийных областей, несомненное практическое значение.

Обзор литературы

Массив научной литературы по проблематике национальной идентичности огромен. Он представляет весьма значительный пласт, про-

низывающий обширное междисциплинарное исследовательское поле. Многие работы, посвященные этой теме, имеют фундаментальное значение и в большинстве своем обрели классическую форму, став общим (непререкаемым) местом для их препарирования и цитирования.

В этой связи целесообразно перечислить некоторые имена из общепризнанных авторов с краткой констатацией ключевых особенностей их видения и понимания данной проблемы: Ю.Хабермас четко сформулировал ее как «кто мы и кем хотим быть?» (Хабермас, 1995); К. Хюбнер национальную идентичность органично связывал с судьбой народа (Хюбнер, 2001); у Г. Д. Гачева это высвечивается через призму национальных образом мира (Гачев, 1988); Э. Асп выделяет позитивное значение национальной идентификации в сохранении традиций, культуры и в целом исторического наследия (Асп, 1998); С. Хантингтон проблему ставил в плоскости того, что нации и государства должны задаваться вопросами и ответить на них «кто мы?» и «что конкретно скрывается за этим “мы”?» (Хантингтон, 2004); З. Бауман, исходя из своей теории «текучей современности», выявляет подвижный, всегда меняющийся, фрагментарно разливающийся и ситуативный характер идентичности (Бауман, 2004); Ф. Фукуяма считает, что национальная идентичность основана на императивности признания национального достоинства как универсального атрибута, отражающего внутреннюю ценность личности и нации (Фукуяма, 2019); в контексте национальной идентичности В. А. Тишковым дано целостное исследование истории развития, природы и сущности национального самосознания на примере российского народа (Тишков, 2013) и т.д.

Что же касается новейших исследований в области национальной идентичности, то необходимо остановиться на следующих работах. Имеются в виду: изучение и определение онтологических контуров идентичности, рассмотрение идентичности как мировоззренческой универсалии (Малыгина, 2025); исследование становления идентичности в пространстве и времени Российской цивилизации (Хренов, 2025); характеристика эмоциональной идентичности как теоретической проблемы (Венкова, 2025). Безусловный интерес представляет исследование группы казахских ученых- философов, посвященное анализу и выявлению философских оснований и ценностных ориентиров множественной идентичности в современном казахстанском обществе (Коянбаева, Кельдинова, Нусипова, Мадалиева, 2026). Обращают на себя внимание и исследовательские работы, направленные на поиск модели и определение рисков конструктивного формирования национальной идентичности современной России (Храпов, Крючкова, 2025), на осмысление феноменов глобализации, модернизации и национальной идентичности с точки зрения позитивного синтеза данных о динамике макросистем (Трубицын, 2025). Должный интерес вызывает работа группы санкт-петербургских ученых социологов, где рассматриваются проблемы конструирования российской гражданской идентичности в неразрывной связи с феноменом малой родины (Бороноев, Тхакахов, Миронов, 2024).

Особого внимания заслуживает капитальный труд большого коллектива авторов под ред. чл.-корр. РАН И. С. Семененко, в котором в комплексе разработана фундаментальная научная тема «Идентичность: личность, общество, политика» и где очерчены новые контуры исследовательского поля (Идентичность…, 2023). В этом труде в развернутом плане проанализированы: идентичность в концептуальном пространстве современного научного дискурса; дискурсы идентичности в мир-политических ракурсах; идентичность в условиях вызовов политизации дискурсов и нарративов; расширение понятийного ряда идентичности, а также актуальная проблема: борьба за идентичность и борьба идентичностей.

В фокусе исследуемой темы автором написаны работы, связанные с рассмотрением особенностей идентичности монгольских этносов России в контексте истории и современности (Антонов, 2024); с анализом категории пространства в евразийском дискурсе и особенностей ее идентификации в традиционном мировосприятии монголов (Антонов, 2025).

Методология и методы исследования

Методология исследования в работе осуществляется с учетом многообразия конкретно-научных подходов. В процессе рассмотрения феномена национальной идентичности как целостной (синтетической) и одновременно сложной, многоаспектной проблемы соответствующее, в т.ч. имплицитное, применение в статье получают некоторые традиционные методологические приемы и способы научного исследования, основанные на принципах историз-

ма, единства анализа и синтеза, части и целого, индуктивного и дедуктивного, эмпирического и теоретического, абстрактного и конкретного. В работе должное значение придается и использованию системно-структурного, понятийно-интерпретационного, этносемантического и семиотико-культурологического подходов, применению методов культурно-исторической спецификации, генерализации, сравнительного анализа (компаративистики).

Также в исследовании особую методологическую значимость обретает концепт истины, основанный на понимании того, что объективная (прежде всего – историческая, социальная) истина всегда сложна и неоднозначна при интерпретациях, носит всегда не прямолинейный, не односторонний, нередко противоречивый характер. И здесь критически важным является установление реальной, в т.ч. конкретной социально-исторической, истины. С данным концептом неразрывно связан принцип причинности, позволяющий выявить первичную суть и истинный характер детерминации различных явлений, процессов и событий, происходящих не только в природе, но и в самом обществе. Это становится особенно очевидным при глубинном рассмотрении и установлении первопричин драматических событий в Казахстане в 1986 г., связанных с фактической и масштабной защитой национальной идентичности и национального достоинства народа.

Результаты и дискуссия

Национальная идентичность и ее судьбоносность, многомерность и интегративный характер

В контексте сформулированной выше основной темы исследования немаловажное методологическое значение имеет вопрос: как объективно соотнести понятия нации, с одной стороны, и национальной идентичности, с другой; в чем же заключается идентификация конкретных индивидов с той или иной нацией. С точки зрения такой постановки вопроса понятие нации для каждого человека больше предстает как некая внешне объективированная, абстрактная общность, куда он включен по определению, тогда как национальная идентичность непосредственно сопряжена с его внутренним жизненным опытом, имеющим нередко судьбоносный характер. Последнее известный немецкий философ К. Хюбнер как раз связывает с феноменологией национальной идентификации. Как пишет он, «идентификация с некоторой нацией не является актом воли или свободного решения. Это судьба… Человек со своим родным языком, детством и юностью, которые накладывают на него неизгладимый отпечаток, самим фактом своего рождения принадлежит своей нации, безразлично, идет ли речь о нациях мононационального или многонационального государства либо о культурной нации» (Хюбнер, 2001).

Если экстраполировать известные латинские изречения: «Fata regunt orbem…», «Fatis agimur: cedite fatis!», т.е. «Миром правит судьба…», «Нас ведет судьба – не противьтесь судьбе!» на феномен национальной идентичности, то можно определенно сказать, что это «судьбоносное основание» придает идентичности действительно незыблемый характер. Оно делает национальную идентичность достаточно устойчивой, способной более или менее противостоять разного рода трансформациям и деформациям. Даже новые формы и уровни идентификации, нередко задаваемые современными процессами развития человечества (глобализация, интернационализация, урбанизация, миграция и т.д.), в национальном самосознании конкретных людей и этнических групп зачастую воспринимаются и переживаются как нечто, естественным образом детерминированное судьбой народа.

Как справедливо подчеркивает В. Н. Бадмаев, «соотнося нацию с понятием судьбы (истории), необходимо рассматривать ее как групповую идентификацию с определенной последовательностью исторических событий, приобретающих как рационально объяснимую цепь взаимозависимых явлений, так и мифическую предопределенность… Множественность возможных форм описания судьбы нации означает также и множественность измерений национальной идентификации – она столь же неоднозначна и столь же реальна, как идентификация личности. Идентичность проявляется во множественности аспектов личности и нации, которые никогда не могут быть исчерпаны, но всегда содержат идентифицируемое ядро (“регулятивные идеи”) – избранные моменты судьбы, становящиеся символами. Причем это ядро может содержать крайне противоречивые элементы – и победы, и поражения, и проявления антиномий народного духа – силу в одни периоды и слабость в другие» (Бадмаев, 2012).

С другой стороны, в соотношении нации и национальной идентичности правомерно по-

следнее определить как основной скреп, как сердцевинный элемент, придающий самой национально-этнической общности в известной мере системообразующий, синтезирующий воедино характер. В таком контенте национальная идентичность являет собой некую смысловую целостность, воспринимаемую как ключевая характеристика нации.

При этом национальная идентичность непременно проистекает из взаимной связки «человек как индивидуум, как личность – этнонациональная общность», которой он принадлежит, к которой имеет естественное отношение по происхождению, по жизни, языку и культуре. В данной связке идентичность реализуется, в ней она способна демонстрировать себя. Поэтому индивидуализированная формула: «Я – есть такой-то, такой-то…, то-то и то-то…» в данном контексте выступает не только как определенный способ манифестации самоидентификации, экстра-выражения собственной национальной идентичности. В ней проявляется и некоторая форма личного отражения духа и чаяний той нации, этноса, куда он включен по рождению, индивидуального отстаивания их стремлений, естественной нацеленности к сохранению, развитию или регенерации (в случае частичной или полной утраты) национально-этнической самобытности, культурных традиций.

Финский ученый Э. Асп при рассмотрении этносоциологической проблематики отмечает очевидность и неоспоримость позитивного значения идентификации этнической группы, поскольку это реально способствует сохранению традиций, культуры, в целом глубоко укоренившегося в социальных структурах исторического наследия (Асп, 1998). Причем им делается специальный акцент на выдвинутых американскими социологами Э. Аллардом и К. Старком четырех обязательных критериях, особо значимых для функциональной связки «индивид – этническая группа». Это: а) самодефиниция, отнесение себя к определенной этнической группе; б) обязательное существование родственных отношений, наличие общих корней, связывающих членов какой-либо группы населения; в) обладание специфическими культурными чертами, владение общим языком; г) наличие социальной организации для внутренних контактов и для взаимодействия с окружающими.

В ряду приведенных выше критериев приоритет отдается, прежде всего, фактору принадлежности к этнической группе. Этот фактор обусловливается собственным желанием индивида быть отнесенным именно к ней, т.е. идентифицировать себя строго в границах этнической группы, этнонациональной общности. А этнодефиниция его (индивида) извне предполагает характеристику и оценку, которые могут быть основаны, как правило, на внешних предметах: знание языка или внешний вид.

Следующий значимый фактор этой идентификации заключен в генеалогии индивида, являющейся вторым необходимым условием принадлежности к этнической группе. Поэтому члены группы должны входить в нее на основе общей этничности, единой национальности, сохраняемой и передаваемой благодаря межгенерационной связи. В то же время этническая группа отнюдь не закрыта и для других («пришлых») членов, которые могут вполне получить доступ вовнутрь нее посредством межэтнических брачных союзов.

В этническом определении группы с точки зрения выше обозначенных критериев не менее важно наличие некоей социальной организации, призванной регулировать как взаимосвязь и общую деятельность их как собственных членов, так и взаимоотношения между представителями этногруппы, этнонациональной общности и лицами, не входящими в нее. В качестве таковой может считаться любое функционально активное сообщество, способное более или менее объединять их.

Важно также отметить, что при этносоциологическом подходе человек рассматривается как субъект этнонациональных отношений, причем с учетом существования, функционирования и смены исторических форм социально-этнических общностей людей. В этом ракурсе идентичность, как этническая принадлежность, изучается как одна из существенных сторон связи личности с обществом. Поэтому при этносоциологическом исследовании этническая определенность личности вычленяется через призму выявления и отражения в ее структуре социальных особенностей данной (конкретной) этнической общности, к которой она непосредственно сопричастна (Бороноев, Смирнов, 1992).

Безусловно, определение этногрупповой идентичности характеризует исследуемый феномен в узком – более конкретном – смысле. Национальная идентичность в широком понимании представляет собой сложное, многомерное и многоуровневое явление. В таком ее понимании она по существу задается как некая мультииден-

тичность. Поэтому представители той или иной нации невольно могут выступить в роли носителей сложной, неоднородной и множественной идентичности.

Например, богатый опыт становления и развития мультиидентичности наработан в современном Казахстане, Причем, «в казахстанском обществе процесс формирования множественной идентичности проявляется сквозь призму взаимодействия традиционализма, как базового принципа идентификации, и инноваций, обусловленных возрастанием роли других аспектов идентичности, способных адаптировать человека к изменениям социальной среды» (Коянбаева, Кельдинова, Нусипова, Мадалиева, 2026).

А у современных бурят как россиян, к примеру, этот феномен, в зависимости от конкретных реалий и ситуаций, процессуально может варьироваться в широком диапазоне, на многих уровнях, начиная от общенациональной российской и кончая собственно национальной идентичностью. Причем указанные уровни (общероссийская и собственно национальная идентичности), несомненно, являются основополагающими скрепами, одновременно, можно сказать, пограничными полюсами этой мультидентичности.

«Иными словами, идентичность (самоидентификация) у них понятийно, в функционально-семантическом отношении, носит многомерный, многоуровневый характер, задает разные формы проявления. Если рассмотреть ее в широком, сквозном срезе, то идентификация у них выступает как некий аналог многоэтажной (или многослойной, многопластной), причем неоднородной по генезису и семантике, конструкции. Поэтому значимость каждого уровня (условно говоря, этажа или слоя, пласта), в зависимости от конкретной ситуации, может проявиться совершенно по-разному. Отсюда – приоритеты в структуре многомерной идентичности у современных бурят достаточно подвижны и изменчивы. К примеру, в одном случае в роли определяющего символического маркера идентичности (самоидентификации) может оказаться кланово-родовая основа; в другом – культурно-историческая, проистекающая из общемонгольских корней; в третьем – религиозная (буддистская, шаманистская либо симбиотическая, характеризуемая фактической биконфессиональностью, что означает: некоторая часть современных бурят может быть одновременно и буддистами, и шаманистами)» (Антонов, 2024). Сюда же можно отнести и виртуальную религиозную идентичность, культивируемую среди некоторой части буддистов современной Бурятии (Очирова, Антонов, Бадмаев, Пуревсурен, Петрова, 2021). Также имеется целый ряд других уровней самоидентификации бурят: территориально-географический, региональный («я – сибиряк», «я – с Байкала», «я – улан-удэнец»); субкультурный (бурятское казачество); этнорасовый («я – восточный азиат») и т.д.

Однако на основе вышесказанного все же было бы неверно заключить, что обоснование и признание множественной природы национальной идентичности якобы означает какую-то нарочитую «атомизацию», дезинтеграцию данного понятия. Функционально-структурированный подход к ней вовсе не предполагает отрицания ее целостно-интегративного (хотя и внутренне противоречивого) характера.

Как пишет в этом контексте Ф. Фукуяма, «отказ от идеи идентичности, составляющей слишком большую часть представлений современных людей о себе и окружающих их обществах, не решит эту проблему. Выходом из сложившейся ситуации будет более широкое и интегрированное определение национальных идентичностей, учитывающее фактическое разнообразие существующих… обществ» (Фукуяма, 2019).

Идентичность как национальный образ мировосприятия и как достоинство нации

Двуединая постановка проблемы национальной идентичности: «Кто мы есть и кем хотим быть?», данная известным немецким философом Ю. Хабермасом (Хабермас, 1995), давно стала общим местом в ее многоаспектных исследованиях, обретя даже характер некоторой тривиальности. Тем не менее, в этой постановке заложена глубокая, неустареваемая временем мысль, основанная на осознании непреложности триады времен: прошлого, настоящего и будущего. Ведь национальная идентичность складывается, образуется и функционирует в процессе осмысления и понимания нацией, во-первых, своей истории; во-вторых, своего нынешнего (актуального) состояния; в-третьих, потенциально возможных и желаемых (желательных) перспектив. Отсюда принцип историзма, необходимость объективного осознания исторического времени, через которое проходит нация, императивный характер определения исторического пути ее развития с безусловным учетом национальных особенностей составляют базисные характеристики формирования национальной идентичности.

Актуализация и осмысление современности, дающей реальную картину положения и места нации сейчас и теперь, служат в национальной идентификации важнейшим связующим звеном между ее прошлым и будущим. Отсюда предназначение в ней этого срединного звена – быть импульсом для осознанного предначертания (по возможности желательного) национального образа в будущем.

Притом нужно сказать: если апеллировать к лексико-понятийным особенностям языка именитого российского культуролога Г. Д. Гачева, национальная идентичность в известной мере (но, разумеется, далеко не во всей и не полной) синонимична национальному образу мира. Во всяком случае, последнее вполне можно рассматривать с соответствующей коррекцией и смысловым уточнением как некий аналог национальной идентичности.

Как он пишет, «нас интересует не национальный характер, а национальное воззрение на мир, не психология, а, так сказать, гносеология, национальная художественная “логика”, склад мышления: какой “сеткой координат” данный народ улавливает мир и, соответственно, какой космос (в древнем смысле слова: какой строй мира, миропорядок) выстраивается перед его очами. Этот особый “поворот”, в котором предстает бытие данному народу, – и составляет национальный образ мира» (Гачев, 1988).

По Гачеву, каждый национальный образ мира представляет собой определенную национальную целостность, которую следует рассматривать как своеобразный Космо-Психо-Логос, т.е. единство местной природы, характера народа и его особенного склада мышления. «То – мой способ путешествовать: умом и воображением. При этом главная задача – постичь Космо-Психо-Логос каждого народа, страны, то есть прочитать здешнюю ментальность (особенное миропонимание) в связи со стилем природы и национальным характером людей» (Гачев, 1993).

Следовательно, своеобразие подхода Г.Д. Гачева к национальным образам (или моделям) мира состоит в том, что он их переводит в поле собственной терминологии и называет космологосами конкретных стран и народов (например, Индии), в которых в нерасторжимом единстве сконцентрированы природные и социальные, материальные и психические явления, присущие рассматриваемым странам и народам. И все это им интерпретируется на особом языке, языке четырех изначальных стихий (земли, воды, огня и воздуха) и связующей их чувственной стихии – Эроса. «По убеждению Г. Гачева, “все просвечивается во всем”: характер климата – в национальном характере, свойства характера – в свойствах религиозных верований, черты веры – в чертах повседневного поведения» (Гринцер, 1993).

Оригинальность гачевского исследования национального образа мира просматривается и в том, что этот феномен раскрывается не только изнутри, на основе выявления особенностей самоидентификации народа, собственной идентичности (его внутреннего видения и понимания самого себя, восприятия своего места и роли в окружающем мире), но и извне. Например, национальный образ Индии у Г. Гачева получает и глубинную, и панорамную характеристику благодаря необычному и интересному использованию метода компаративистики. Этот многогранный образ им дается через призму эллинского восприятия, русского, французского, германского образов Индии.

В контексте вышесказанного национальный образ мира представляется как важнейший срез национальной идентичности. Поэтому она, будучи конституирующей основой в определении особенностей и сущности нации, неразрывно связана с национальным образом (моделью, способом) мировосприятия. Эта связь между ними во многом имеет характер взаимообусловленности, взаимозависимости. Устойчивость национальной идентичности как относительно замкнутой мировоззренческой системы и ее функциональная и трансформационная динамика способны оказать соответствующее влияние на статичность и изменчивость в развитии национального образа мировосприятия. То же самое можно сказать и об обратном процессе взаимоотношений национальной идентичности и национального образа мировосприятия.

Таким образом, «национальную идентичность можно определить как заданную национальным образом мира и национальной историей, основную идею, которой живет социум в данную историческую эпоху и потому приемлемую для большинства. Идентичность несет в себе ответ на вопрос о сущности своего народа, нации, ее месте, роли и задачах в мировой истории и идеальных формах ее существования» (Бадмаев, 2012).

При этом Ф. Фукуяма требование каждой личности, каждой нации признания и уважения своей идентичности квалифицирует как универ-

сальное понятие. Согласно его точке зрения, современная концепция идентичности зиждется на единстве трех феноменов. Первый из них, называемый тимосом и жаждущий своего признания, выступает как универсальный аспект человеческой личности. Следующий феномен проистекает из различия между внутренним и внешним «я», а также обязательно предполагает нравственное превосходство внутреннего «я» на над внешним обществом. И, наконец, третий представляет собой развивающуюся концепцию идентичности, в соответствии с которой признания достоинства заслуживает не узкий класс людей, а каждый и все. Поэтому расширение и универсализация понятия «достоинство», по его мнению, закономерно трансформируют личные поиски себя, своей идентичности в политический проект (Фукуяма, 2019). Тем самым понятие достоинства может наполниться политическим смыслом, причем как позитивного, так и негативного свойства. Этот важный момент автором в развернутом виде будет показан в следующем разделе на основе конкретного анализа декабрьских (1986) событий в Казахстане, когда в национально-кадровой политике было допущено непредвиденное попрание национального достоинства целого народа как ключевого аспекта национальной идентичности, обернувшееся сугубо политическим характером развития.

Как пишет Ф. Фукуяма, «внутреннее “я” является основой человеческого достоинства, но природа этого достоинства непостоянна, с течением времени она менялась. Во многих ранних культурах достоинством наделялись лишь немногие, часто – воины, готовые рисковать жизнью в бою. В других обществах достоинство является универсальным атрибутом, основанным на внутренней ценности людей, обладающих агентивностью – свободой воли и самостоятельностью. В иных случаях достоинство человека обусловлено его принадлежностью к большой группе людей, объединенных общей памятью и опытом» (там же).

Вместе с тем известно, что понятие достоинства изначально формируется в области морали. Оно является одним из важнейших понятий в этических теориях. Как подчеркивает академик А. А. Гусейнов, «всякая этическая система включает в себя более или менее детализированную программу поведения, призванную реализовать такой образ жизни, который позволяет снять раздирающие индивидов противоречия и признается ими в качестве морального достойного» (Гусейнов, 2010). В этой связи автором статьи невольно вспоминается интересный семинар по этике из студенческих лет (1973) на философском факультете МГУ имени М. В. Ломоносова на тему «Социальная сущность и функции нравственных понятий», проведенный академиком (в то время – доцентом МГУ). В ходе семинарского занятия, помнится, живую дискуссию среди нас вызвали такие понятия как долг и достоинство. Подытоживая ее, А. А. Гусейнов акцентировал наше внимание на «вечной злободневности» этих моральных понятий. При этом наряду с интересными и глубокими рассуждениями о личном достоинстве человека он также специально остановился на значимости национального достоинства, указав на то, что чувство национального достоинства является чрезвычайно уязвимой, легко ранимой вещью, требующей к себе всегда чуткого и деликатного обращения.

Поэтому, если сознательно прибегнуть к тавтологии с обратным знаком, любая форма недостойного отношения к достоинству нации естественным образом может спровоцировать болезненную, нередко – эмоционально окрашенную, реакцию со стороны ее представителей. Отсюда национальное достоинство, имеющее в большей степени латентный характер, в плане своего проявления (как позитивно, так и неодобрительно выраженного) правомерно где-то отнести «к “нематериальным” факторам идентификации, таким как эмоциональная идентичность, чувственно-аффективная сопричастность, ощущение принадлежности к тем или иным группам, практикам или даже историческим явлениям или этапам развития культуры» (Венкова, 2025).

Декабрьские (1986) события в Казахстане как исторический индикатор массового отстаивания молодежью национального достоинства

Обобщая вышеприведенные аналитические нарративы и консеквенции, следует подчеркнуть, что актуализация феномена идентичности в современной исследовательской практике в значительной мере обусловлена вызовами самого времени – сложного, неоднозначного, противоречивого. В той же степени – глобализированного и одновременно разнополюсного. Говоря более конкретно, «в российской науке появление и формирование устойчивого интереса к различным аспектам идентичности во многом было связано с кризисом самоопределения после завершения “советского проекта”,

крушением огромного государства и устоявшейся системы координат с понятными образами “себя”, “своих”, “чужих”». В итоге получилась новая страна, как правопреемница старой советской, – «постсоветская Россия, пережившая последствия “парада суверенитетов”, испытаний культурным релятивизмом, экономического и мировоззренческого расслоения общества…» (Малыгина, 2025).

Однако справедливости ради необходимо признать: в указанном «параде суверенитетов», к сожалению, главенствующее место изначально заняла сама Россия, вернее, РСФСР, официально провозгласившая свой суверенитет 12 июня 1990 г., что и обусловило в последующем жесточайшую и бескомпромиссную борьбу за власть в стране между двумя – союзным и российским – центрами в лице их руководителей Горбачева и Ельцина, которые имели (с высоты нынешнего времени это звучит как-то парадоксально) одну и ту же «прописку», одно и то же место дислокации – в столице СССР, в городе Москва. В этой связи первый Президент Казахстана Н. Назарбаев писал в своей книге «На пороге XXI века»: «Развал СССР приобрел необратимый характер именно после объявления первой среди союзных республик Российской Федерацией своего суверенитета. У всех тогда на устах был вопрос: а от кого, от чего суверенна Россия? Она же ядро страны» (Назарбаев, 1996). А окончательный приговор кончине СССР, как известно, достаточно партикулярным способом был вынесен в Беловежском соглашении, подписанном 8 декабря 1991 г. лидерами трех братских славянских республик. Кстати, Казахстан последним из союзных республик официально вышел из состава СССР (16 декабря 1991 г.).

В то же время следует принципиально указать на тот неоспоримый факт, что «первые трещины» во взаимодействии Союзного центра в лице ЦК КПСС и республик страны, в межнациональных отношениях уже наметились в начале горбачевской перестройки. Это было вызвано серьезными ошибками в национально-кадровой политике не только самого Горбачева, но и Лигачева, второго секретаря (по функциональному уровню и статусу), члена Политбюро ЦК, человека, отвечавшего за кадровые вопросы в правящей партии. В конце 80-х гг., как известно, он за очевидные провалы в работе с кадрами был перемещен на курирование агропромышленной отраслью СССР.

В качестве яркого индикатора своего времени, вобравшего в себя живой исторический пример открытого осуждения крупной ошибки в национально-кадровой политике ЦК КПСС, и демократического отстаивания национального достоинства народа, его национальной идентичности, можно назвать декабрьские события 1986 года в Казахстане (в этом году исполняется ровно сорок лет). Они были вызваны массовыми протестами молодежи в связи с неожиданным снятием 16 декабря 1986 г. с поста первого секретаря ЦК Компартии республики Д. А. Кунаева, члена Политбюро ЦК КПСС, в ходе рекордно (можно сказать, неестественно) короткого Пленума ЦК Компартии Казахстана, длившегося всего-навсего 18 минут. Для сравнения обратимся к организационному Пленуму Бурятского обкома КПСС, состоявшемуся 7 января 1984 г., где автор статьи присутствовал как ответственный работник отдела науки учебных заведений. Пленум освободил тогда от обязанностей первого секретаря обкома А. У. Модогоева (1915-1989), члена ЦК КПСС, находившегося у партийного руля автономной республики почти 22 года. Так вот Пленум Бурятского обкома продолжался более 2 часов!

А организационному Пленуму в Алма-Ате предшествовало состоявшееся 11 декабря 1986 г. заседание Политбюро ЦК КПСС под непосредственным руководством Горбачева, но без участия самого Кунаева, члена Политбюро ЦК КПСС, на котором было принято единогласное решение (за него и вместо него) о его уходе на пенсию. При этом Д. А. Кунаев обвинялся в широкомасштабной коррупции. Это было немыслимое и нарочито надуманное обвинение, поскольку он всю сознательную жизнь вел скромный и строгий, если не сказать, во многом даже близкий к аскетическому, образ жизни. Поскольку у него с супругой Зухрой Шариповной не было своих детей, Динмухамед Ахмедович не только от души помогал племянникам, но и все излишки зарплаты и премий всегда старался отдавать в детские дома и школы. Это факт общеизвестный.

Д. М. Кунаев являлся признанным общенациональным лидером Казахстана, обладал огромным опытом долголетнего и безупречного государственного и партийного руководства республикой. Был человеком высокой образовательной, интеллектуальной и духовной культуры. Доктор технических наук, профессор, академик. Видный дипломат. Он являлся масштабной,

талантливой и мудрой личностью, внесшей значительный и неоспоримый вклад в развитие и процветание Советского Казахстана.

Но, увы, когда оставалось, менее одного месяца (точнее говоря, 27 дней) до важной жизненной даты, связанной с 75-летием Д. А. Кунаева, неожиданно грянул в самом прямом смысле слова декабрьский (1986) организационный Пленум ЦК Компартии Казахстана, отправивший его на пенсию и повлекший за собой драматические события в республике. И здесь невольно хочется мысленно перевести тот период времени на современность и вместо М. С. Горбачева представить В. В. Путина (хотя понятно, что это – реально несбыточный плод банального воображения, опирающегося на известное сослагательное наклонение). Тогда подобное, что случилось в декабре 1986 г., априори исключалось бы. Общеизвестно, что Президент РФ к кадровой (особенно – национально-кадровой) политике всегда относится с предельным тщанием, чрезвычайно аккуратно и предусмотрительно. Прежде чем принять обоснованное решение в этой области, он, как правило, всесторонне изучает и глубоко вникает в суть вопроса. А касательно чисто человеческого аспекта, включая личное и национальное достоинство, В. В. Путин всегда проявляет максимальную учтивость и деликатность.

«Декабрьские события 1986 года, – подчеркивает Н. Назарбаев, – показали, насколько выросло национальное самосознание казахской молодежи… Молодежь от имени своего народа открыто заявила, что больше не допустит попрания чувства национальной гордости, присущего любой нации. И этот первый росток нового демократического сознания был выдан центром за проявление махрового национализма. Впоследствии мне неоднократно пришлось убеждать многих, в том числе и М. С. Горбачева, о снятии обвинения в национализме со всего казахского народа. Политбюро ЦК КПСС вынуждено было отменить свое собственное решение» (там же).

В самом деле, глубоко неправомерно было бы навешивать ярлык национализма на весь казахский народ, чей реальный интернационализм проверен самим временем и не раз подтверждался самой историей (причем нередко – в драматические ее моменты) и который в то же время ни при каких обстоятельствах, никогда не утрачивал национального достоинства, собственной национальной идентичности. Считать подобным образом (т.е. приписывать необоснованно национализм) значит быть необъективным, антиисторичным в отношении целого народа. Ведь известно, что в разные времена во главе Компартии Казахстана становились представители русской, украинской, уйгурской и даже армянской национальности (например, Л. И. Мирзоян в 1937-38 г.г.). Казахстан стал второй родиной для сотен тысяч депортированных «отцом народов» в начале и конце ВОВ немцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар, для тысяч и тысяч корейцев в результате послевоенного сталинского «расселения» из дальневосточной части страны, для сотен тысяч русских, украинцев, молдаван, белорусов в целинную «эпопею», для многих уйгуров, бежавших из Китая в годы «культурной революции». При этом нельзя забывать и о великой трагедии самого казахского народа: в годы советской централистской системы он по существу оказался объектом ядерно-технологического эксперимента: Семипалатинский полигон, полигон «Азгир» (Антонов, 2008).

По глубокому убеждению, автора, декабрьский (1986) Пленум ЦК КП Казахстана оказался несостоятельным как по элементарным меркам человечности, уважения личного и национального достоинства лидера республики и в целом народа, так и по статусно-организационному уровню.

И действительно, ничего не случилось бы, если бы организационный Пленум состоялся не 16 декабря 1986 года, а хотя бы где-нибудь через месяц или два-три после 12 января 1987 года – дня, когда Д. А. Кунаеву как раз исполнялось 75 лет. Ведь он тогда пользовался непоколебимым авторитетом и всеобщим уважением в народе за многолетние и крупные деяния, за беззаветный и неустанный труд, которые были вложены им в реальное поступательное развитие Советского Казахстана. Потому самая добрая и благодарная память о нем осталась у казахстанцев и сейчас (его имя по праву и заслуженно присвоено Институту горного дела НАН, Евразийской юридической академии, городу Капчагай, улицам Алматы, Астаны, Шымкента и многих других городов, многочисленным школам и колледжам и т.д.). Весь казахский народ в то время мысленно и делами готовился к этой важной и значимой для него дате.

По статусно-организационному уровню Пленум тогда явил собой настоящий пример открытого пренебрежения ЦК КПСС национальной республикой, мнением её лидеров, народа в духе старого, по существу имперского отношения Центра к республике как к национальной окра-

ине. Как известно, проводить Пленум и освобождать Первого секретаря ЦК КП Казахстана Д.А. Кунаева, члена Политбюро ЦК КПСС, приезжал рядовой секретарь ЦК КПСС (ставший им только в марте 1986 г.), не член и даже не кандидат в члены Политбюро, зав. отделом организационно-партийной работы Г. П. Разумовский. И замена оказалась явно неадекватной, не совсем отвечавшей необходимому, говоря языком математической топологии, принципу изоморфизма – без пяти (чуть даже менее) месяцев 60-летний первый секретарь Ульяновского обкома КПСС Г. В. Колбин, ранее никогда не соприкасавшийся с делами республики.

А теперь проведем параллель с декабрьским (1985) организационным Пленумом Московского горкома КПСС, освободившим от обязанностей первого секретаря В. В. Гришина, члена Политбюро ЦК КПСС. Проводил его не кто-нибудь, а сам Генеральный секретарь М. С. Горбачев. По рекомендации Горбачева и при полной поддержке Лигачева (по существу главного инициатора), первым секретарем горкома был избран Б. Н. Ельцин, секретарь ЦК КПСС с пятимесячным стажем, еще ранее 3 месяца проработавший зав. отделом строительства ЦК КПСС, бывший первый секретарь Свердловского обкома КПСС (т.е. руководитель весьма значимого и крупного Уральского региона) с многолетним опытом и стажем работы на этом посту. Срок, проработанный на посту секретаря ЦК КПСС и зав. отделом ЦК, весьма незначительный, но формально необходимый для кресла первого секретаря столичного горкома КПСС, как в то время считалось в новом высшем эшелоне партии.

Но тогда возникает естественный вопрос: почему же в то время не нашлось места в ЦК КПСС на уровне секретаря или на худой конец зав. отделом ЦК для статусной «обкатки» будущего первого секретаря ЦК Компартии Казахстана. Почему же Генеральный секретарь ЦК КПСС не смог найти хотя бы полдня или нескольких часов свободного времени для прилета в Алма-Ату и проведения организационного Пленума (может, в силу его «колоссальной, сверхчеловеческой загруженности» работой!!!). И тут невольно напрашивается закономерный посыл сослагательного порядка: если бы М.С. Горбачев сам приехал в Алма-Ату и представил на Пленуме на место Д. А. Кунаева адекватного ему партийца (пусть даже со стороны, извне Казахстана, и в принципе неважно, какой он национальности), но обязательно на уровне секретаря ЦК КПСС, при этом хоть как-то внятно и открыто, т.е. гласно (!?), выражаясь в конъюнктурном тренде того периода, он сумел бы разъяснить реальные мотивы и тем самым раскрыл бы истинные причины столь скороспешной смены многоопытного и авторитетного национального лидера республики, то наверняка можно было бы избегнуть этих драматических событий. Тем более что Горбачев тогда (конец 1986 г.) еще оставался в пике популярности в многонациональном советском народе.

С другой стороны, объективного признания требует то факт, что к этому времени в республике уже был подготовлен необходимый кадровый резерв для занятия высшего партийного поста. В ту пору сильным персональным преемником для Д. А. Кунаева с точки зрения реальной истины виделся 46-летний Н.А.Назарбаев, работавший с 1984 г. Председателем Совета Министров Казахской ССР, а ранее – в 1979-1984 гг. – трудившийся секретарем ЦК Компартии Казахстана по вопросам промышленности и энергетики. Он на XXVI съезде КПСС (1981) избирался членом Центральной ревизионной комиссии, а на XXVII съезде КПСС (1986) был избран членом ЦК КПСС. В условиях той жесткой номенклатурной (партийно-советской) системы, господствовавшей в единой стране, Д. А. Кунаев на основе своего большого политического и государственного опыта работы умело, последовательно, с глубоким знанием дела взращивал Н. А. Назарбаева. Поэтому с полным основанием можно говорить, что Динмухамед Ахмедович по существу являлся для него тонким и дальновидным наставником, мудрым учителем. И тут как-то естественным образом (зримо и органично) этот нарратив детерминирует смысловую аналогию, связанную с учением Живой Этики Н. Рериха, где важное место занимает как раз непререкаемый образ-символ мудрого учителя (Антонов, 1993).

А так не приходится удивляться тому, что состоявшийся в Алма-Ате Пленум по своему уровню и сценарию глубоко задел, если не сказать, оскорбил чувства национального достоинства казахов. Вряд ли здесь имеет смысл ставить вопросы в очевидной плоскости: какова реальная значимость Казахстана, каковы его геополитическое положение, территориальные масштабы, природные ресурсы, экономический и научно-технический потенциал, интеллектуальный и национально-культурный уровень в сопоставлении с такими же параметрами тогдашней

Москвы. Но весьма сомнительно, что столица страны по этим основаниям в то время оказалась бы в выигрыше (там же).

Интересны в этой связи строки Н. А. Назарбаева о Горбачеве: «За шесть лет пребывания на посту Генерального секретаря этот человек успел измениться до неузнаваемости. Горбачев ранний и Горбачев последнего периода – это небо и земля. Когда он стал Генсеком, к нему нельзя было подступиться, невозможно попасть на прием. Он уже полностью "усвоил", что такое Генеральный секретарь ЦК КПСС. Был постоянно занят, общался с узким кругом приближенных, а остальных просто не замечал» (Назарбаев, 1996). Кстати, как разительный момент в поведении Горбачева уловили жители Алма-Аты (Алматы) и Кокчетава (Кокшетау), когда он с официальным визитом в мае 1991 г. в последний раз приезжал в Казахстан. В то время республику в качестве первого ее Президента возглавлял уже Н. А. Назарбаев. Горбачев многих тогда удивил демонстрацией нарочитой лояльности к встречавшим его и, более того, это проявлялось даже где-то на грани искусственного заигрывания, если не сказать, заискивания перед ними.

К слову сказать, даже в хрущевские времена, характеризовавшиеся перманентными кадровыми перетасовками, ранговое соответствие в отношении Казахстана выдерживалось достаточно строго. Например, первый секретарь ЦК КП Казахстана Н.И. Беляев в 1957-60 г.г. на этот пост «спускается» с уровня секретаря ЦК КПСС, причем таковым остается еще один год. А ранее, в 1956-57 г.г., успел проработать зампредседателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР, т.е. заместителем самого Хрущева. Другой первый секретарь ЦК КП Казахстана П. К. Пономаренко (1954-1955 г.г.) был избран с должности министра культуры СССР с годичным стажем. До этого пять лет проработал секретарем ЦК КПСС (ВКП(б)). А, Л. И. Брежнев, прежде чем стать первым секретарем ЦК КП Казахстана в 1955 г., еще год работает вторым секретарем ЦК КП этой республики, хотя за спиной имел уже опыт первого секретаря ЦК КП Молдавии, секретаря ЦК КПСС (Антонов, 2008).

В целом же на декабрьском (1986) Пленуме ЦК КП Казахстана был продемонстрирован авторитарно-централистский диктат, который произвел в то время в республике эффект его «общенационального отторжения». И здесь хочется сознательно прибегнуть к тавтологии. Неожиданно проведенный для казахстанцев Пленум тогда столь же неожиданно для самих его инициаторов (говоря на языке нынешнего времени, главных лоббистов из Центра) обнажил собой крупный прокол в национально-кадровой политике ЦК КПСС. Хотя понятно, что настоящие организаторы Пленума из Центра в то время ни за что не согласились бы с данным фактом, никак не признали бы его. Тем не менее, факт остается фактом. Поэтому декабрьские массовые протесты казахской молодежи, прежде всего, отражали дух, волю народа в лице его молодых представителей, решимость к законной защите своего национального достоинства, национальной идентичности.

И уроки сорокалетней давности, вынесенные из тех драматических событий в Казахстане, до сих пор продолжают сохранять свой поучительный и значимый характер. Эти уроки, будучи объективно и критически осмысленными, по-прежнему способны в современных условиях служить важным историческим опытом в деле укрепления национальной идентичности и строительства межнациональных, межгосударственных и международных отношений, основанных на традиционной дружбе, взаимоуважении и взаимопонимании между народами. Это, несомненно, актуально сегодня для дальнейшего упрочения российско-казахстанских отношений.

В связи со сказанным выше особый интерес и безусловное значение имеет знаковая статья Президента Казахстана К-Ж. К. Токаева «Вечная дружба – путеводная звезда для наших народов», опубликованная им в 2025 г. в газете «Российская газета». В ней он как раз убедительно подчеркивает: «Казахстан и Россия сумели выстроить качественное и содержательное стратегическое партнерство и союзничество. В основе такого сотрудничества – осознанное стремление наших народов быть вместе в это турбулентное, непредсказуемое время. Другими словами, вечная дружба – это путеводная звезда для наших государств и народов» (Токаев, 2025).

Во время государственного визита К.-Ж.К. Токаева в Российскую Федерацию в ноябре 2025 г. Президент РФ В. В. Путин особо остановился на том, насколько Россия высоко ставит и ценит добрые, дружественные отношения с Казахстаном, искренно отметив при этом: «Казахская мудрость гласит: "Сила орла – в крыльях, а человека – в друзьях". Мы готовы совместно решать самые масштабные задачи, уверенно двигаться вперед на благо и в интересах наших стран и народов» (Иванов, 2025).

Таковы сегодня реалии российско-казахстанских отношений. И они, безусловно, наполнены и реализмом, и оптимизмом, которые всегда устремлены в будущее.

Результаты исследования

Итак, в качестве основных результирующих положений необходимо подвести предварительные итоги исследования и озвучить их. Таковыми являются три блока суждений, которые ниже даны в ракурсе авторской постановки и логики анализа проблемы национальной идентичности и изложены в соответствии с обоснованной заданностью исследовательским замыслом автора структурно-тематической компоновки работы. Эти блоки представлены с учетом авторского видения и интерпретаций:

1. Национальная идентичность неразрывно связана с судьбой народа. Это «судьбоносное основание» делает ее достаточно устойчивой, способной более или менее противостоять разного рода трансформациям и деформациям. Национальная идентичность в широком смысле представляет собой сложное, многомерное и многоуровневое явление. В таком ее понимании по существу задается некая мультиидентичность. Поэтому представители той или иной нации невольно могут выступить в роли носителей сложной, неоднородной и множественной идентичности. Вместе с тем функционально-структурированный подход к национальной идентичности вовсе не означает какой-то ее «атомизации», дезинтеграции. Она в своем совокупном единстве всегда носит целостно-интегративный (хотя и внутренне противоречивый) характер.

2. Национальная идентичность, будучи конституирующей основой в определении особенностей и сущности нации, неразрывно связана с национальным образом (моделью, способом) мировосприятия. Этой связи во многом присущи определенная взаимообусловленность и взаимозависимость. Устойчивость национальной идентичности как относительно замкнутой мировоззренческой системы и ее функциональная и трансформационная динамика способны оказать соответствующее влияние на статичность и изменчивость в развитии национального образа мировосприятия. И в то же время это предполагает вполне естественное обратное воздействие со стороны последнего. Национальная идентичность зиждется на императивности признания и уважения национального достоинства. Это достоинство является универсальным атрибутом, основанным на внутренней ценности людей (личности и нации в целом). Но достоинство человека (на уровне индивидуума и народа) обусловлено его национальной идентичностью, т.е. принадлежностью определенному этносу, нации, которые объединены общей памятью и единым духовно-культурным опытом.

3. Ярким индикатором времени, в котором отразился живой исторический пример открытого и демократического отстаивания молодежью национального достоинства народа, его национальной идентичности, являются декабрьские события 1986 года в Казахстане. И это становится особенно очевидным и неопровержимым при объективном (беспристрастном) анализе их первопричин. Причем уроки сорокалетней давности, вынесенные из тех драматических событий, до сих пор продолжают сохранять свой поучительный и значимый характер. Эти уроки, будучи объективно и критически осмысленными, по-прежнему способны в современных условиях служить важным историческим опытом в дальнейшем укреплении национальной идентичности, в конструктивном строительстве межнациональных, межгосударственных и международных отношений.

Вывод

Концепт национальной идентичности в фокусе авторского рассмотрения представляет собой целостное проблемно-предметное образование, характеризующееся многоаспектностью. Феномену национальной идентичности присуща сложная, неоднозначная и внутренне противоречивая природа, охватывающая широкий функционально-семантический спектр и отличающаяся многоуровневой структурой. Указанный феномен задается как комплекс проблем и аспектов, неразрывно связанных или тесно стыкующихся со смежными предметно-смысловыми областями (параметрами, понятиями, теориями). Концепт национальной идентичности в авторском исследовании, пронизывая прочной нитью все три проблемно-тематических раздела статьи, связывает их предметное содержание (особенно – понятия: судьба народа, национальный образ мировосприятия, национальное достоинство) в единое, причем сложное, целое.

В таком развороте исследования, безусловно, видятся особенность и значение авторской работы для дальнейших научных разработок концепта национальной идентичности. Практический смысл и значимость статье придают непосредственное обращение и компетентный

анализ автора конкретной исторической реальности, связанной с драматическими событиями 1986 г. в Казахстане.

Финансирование.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-48-03004, https://rscf.ru/project/24-48-03-004

Конфликты интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest

The author declares that there is no conflict of interest.

Вклад автора

Анализ исследовательской литературы, предметно-тематическая постановка и теоретическое осмысление проблемы в единстве ее аспектов, авторский подход и разработка концепта национальной идентичности с особым акцентом на конкретную историческую реальность.

Литература

Антонов, В. И. (1993). Символ, условность, культура. *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*, (3), 26–37.

Антонов, В. И. (2008). *Имена в мировой политике: мозаика портретов и образов. Вторая половина XX и начало XXI столетия* (Ч. I). Издательство Бурятского научного центра СО РАН.

Антонов, В. И. (2024). Особенности идентичности монгольских этносов России в контексте истории и современности (на примере бурят). *Международный журнал исследований культуры*, (3), 81–94. https://doi.org/10.52173/2079-1100_2024_3_81

Антонов, В. И., Пуревсурен, Б., & Эрдэнэчимэг, О. (2025). Символизация, условность, идентичность: анализ функционально-смыслового триединства в фокусе компаративистики. *Вестник Казахского национального университета имени аль-Фараби. Серия философии, культурологии и политологии*, (3), 67. https://doi.org/10.26577/jpcp20259336

Антонов, В. И. (2025). Категория пространства в евразийском дискурсе. Особенности ее идентификации в традиционном мировосприятии монголов. *Век глобализации*, (4), 16–28. https://doi.org/10.30884/vglob/2025.04.02

Асп, Э. К. (1998). *Введение в социологию*. Алетейя.

Бадмаев, В. Н. (2012). *Национальная идентичность в поликультурном пространстве Юга России*. Издательство Калмыцкого государственного университета.

Бауман, З. (2004). *Глобализация. Последствия для человека и общества*. Весь мир.

Бороноев, А. О., & Смирнов, П. И. (1992). *Россия и русские: характер народа и судьбы страны*. Лениздат.

Бороноев, А. О., Тхакахов, В. Х., & Миронов, Д. В. (2024). *Феномен малой родины и проблемы конструирования гражданской идентичности*. Астерион.

Венкова, А. В. (2025). Эмоциональная идентичность как теоретическая проблема. В *Фундаментальные аспекты культурологии: культурная идентичность* (с. 126–133). Институт наследия. https://doi.org/10.34685/HI.2025.97.74.009

Гачев, Г. (1988). *Национальные образы мира*. Советский писатель.

Гачев, Г. (1993). *Образы Индии*. Наука.

Гринцер, П. (1993). Предисловие. В Г. Гачев, *Образы Индии* (с. 4). Наука.

Гусейнов, А. А. (2010). Этика. В *Новая философская энциклопедия* (Т. 4, с. 477). Мысль.

Иванов, Г. (2025, 19–25 ноября). Страны общей судьбы. *Аргументы и факты*.

Семененко, И. С. (Ред.). (2023). *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*. Весь мир. https://www.imemo.ru/publications/info/identichnosty-lichnostyobshtestvo-politika-novie-konturi-issledovatelyskogo-polya-otv-red-is-semenenko-imemo-ran-moskva-izdatelystvo-vesy-mir-2023-512-s-isbn-978-5-7777-0922-6

Коянбаева, Г. Р., Кельдинова, А. Б., Нусипова, Г. И., & Мадалиева, Ж. К. (2026). Множественная идентичность в современном казахстанском обществе: философские основания и ценностные ориентиры. *Вестник Казахского национального университета имени аль-Фараби. Серия философии, культурологии и политологии*, (1), 115–129. https://doi.org/10.48010/2026.1/1999-5911.09

Малыгина, И. В. (2025). Онтологические контуры идентичности. В *Фундаментальные аспекты культурологии: культурная идентичность* (с. 34–40). Институт наследия. https://doi.org/10.34685/HI.2025.97.74.009

Назарбаев, Н. А. (1996). *На пороге XXI века*. Өнер. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002093141/

Очирова, О. А., Антонов, В. И., Бадмаев, В. Н., Пуревсурен, Б., & Петрова, А. А. (2021). Социальный портрет буддиста-паломника Бурятии: от традиционного к онлайн-формату (по результатам социологического исследования). *Новые исследования Тувы*, (2), 79–91. https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.7

Тишков, В. А. (2013). *Российский народ. История и смысл национального самосознания*. Наука. https://iea-ras.ru/?product=российский-народ-история-и-смысл-наци

Токаев, К.-Ж. К. (2025, 11 ноября). Вечная дружба – путеводная звезда для наших народов. *Российская газета*.

Трубицын, Д. В. (2025). Глобализация, модернизация и национальная идентичность: позитивный синтез данных о динамике макросистем. *Вопросы философии*, (7), 56–67. https://doi.org/10.21146/0042-8744-2025-7-56-67

Фукуяма, Ф. (2019). *Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия*. Альпина Паблишер. https://books.google.com/books?id=im-rDwAAQBAJ

Хабермас, Ю. (1995). *Демократия, разум, нравственность*. KAMI. https://books.google.com/books?id=So8QAAAACAAJ

Хантингтон, С. (2004). *Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности*. АСТ. https://ast.ru/book/kto-my-vyzovy-amerikanskoy-natsionalnoy-identichnosti-022508/

Храпов, С. А., & Крючкова, С. Е. (2025). Национальная идентичность современной России: поиск модели и риски конструктивного формирования. *Вопросы философии*, (2), 5–15. https://doi.org/10.21146/0042-8744-2025-2-5-15

Хренов, Н. А. (2025). Становление идентичности в пространстве и времени российской цивилизации. В *Фундаментальные аспекты культурологии: культурная идентичность* (с. 10–33). Институт наследия. https://doi.org/10.34685/HI.2025.97.74.009

Хюбнер, К. (2001). *Нация: от забвения к возрождению*. Канон+.

References

Antonov, V. I. (1993). Simvol, uslovnost, kultura [Symbol, convention, culture]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*, (3), 26–37.

Antonov, V. I. (2008). *Imena v mirovoi politike: Mozaika portretov i obrazov. Vtoraya polovina XX i nachalo XXI stoletiya* [Names in world politics: A mosaic of portraits and images. The second half of the 20th and the beginning of the 21st century] (Pt. 1). Izdatelstvo Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN.

Antonov, V. I. (2024). Osobennosti identichnosti mongolskikh etnosov Rossii v kontekste istorii i sovremennosti (na primere buryat) [Features of the identity of the Mongolian ethnic groups of Russia in the context of history and modernity: The case of the Buryats]. *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovanii kultury*, (3), 81–94. https://doi.org/10.52173/2079-1100_2024_3_81

Antonov, V. I., Purevsuren, B., & Erdenechimeg, O. (2025). Simvolizatsiya, uslovnost, identichnost: Analiz funktsionalno-smyslovogo triedinstva v fokuse komparativistiki [Symbolization, convention, identity: An analysis of functional-semantic trinity from a comparative perspective]. *Vestnik Kazakhskogo natsionalnogo universiteta imeni al-Farabi. Seriya filosofii, kulturologii i politologii*, (3), 67. https://doi.org/10.26577/jpcp20259336

Antonov, V. I. (2025). Kategoriya prostranstva v evraziiskom diskurse. Osobennosti ee identifikatsii v traditsionnom mirovospriyatii mongolov [The category of space in Eurasian discourse: Features of its identification in the traditional worldview of the Mongols]. *Vek globalizatsii*, (4), 16–28. https://doi.org/10.30884/vglob/2025.04.02

Asp, E. K. (1998). *Vvedenie v sotsiologiyu* [Introduction to sociology]. Aleteya.

Badmaev, V. N. (2012). *Natsionalnaya identichnost v polikulturnom prostranstve Yuga Rossii* [National identity in the multicultural space of Southern Russia]. Izdatelstvo Kalmytskogo gosudarstvennogo universiteta.

Bauman, Z. (2004). *Globalizatsiya. Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva* [Globalization: Consequences for the individual and society]. Ves mir.

Boronoev, A. O., & Smirnov, P. I. (1992). *Rossiya i russkie: Kharakter naroda i sudby strany* [Russia and Russians: The character of the people and the fate of the country]. Lenizdat.

Boronoev, A. O., Tkhakakhov, V. Kh., & Mironov, D. V. (2024). *Fenomen maloi rodiny i problemy konstruirovaniya grazhdanskoi identichnosti* [The phenomenon of the small homeland and the problems of constructing civic identity]. Asterion.

Venkova, A. V. (2025). Emotsionalnaya identichnost kak teoreticheskaya problema [Emotional identity as a theoretical problem]. In *Fundamentalnye aspekty kulturologii: Kulturnaya identichnost* [Fundamental aspects of cultural studies: Cultural identity] (pp. 126–133). Institut naslediya. https://doi.org/10.34685/HI.2025.97.74.009

Gachev, G. (1988). *Natsionalnye obrazy mira* [National images of the world]. Sovetskii pisatel.

Gachev, G. (1993). *Obrazy Indii* [Images of India]. Nauka.

Grintser, P. (1993). Predislovie [Preface]. In G. Gachev, *Obrazy Indii* [Images of India] (p. 4). Nauka.

Guseinov, A. A. (2010). Etika [Ethics]. In *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New encyclopedia of philosophy] (Vol. 4, p. 477). Mysl.

Ivanov, G. (2025, November 19–25). Strany obshchei sudby [Countries of common destiny]. *Argumenty i fakty*.

Semenenko, I. S. (Ed.). (2023). *Identichnost: Lichnost, obshchestvo, politika. Novye kontury issledovatelskogo polya* [Identity: Personality, society, politics. New contours of the research field]. Ves mir. https://www.imemo.ru/publications/info/identichnosty-lichnostyobshtestvo-politika-novie-konturi-issledovatelyskogo-polya-otv-red-is-semenenko-imemo-ran-moskva-izdatelystvo-vesy-mir-2023-512-s-isbn-978-5-7777-0922-6

Koyanbaeva, G. R., Keldinova, A. B., Nusipova, G. I., & Madalieva, Zh. K. (2026). Mnozhestvennaya identichnost v sovremennom kazakhstanskom obshchestve: Filosofskie osnovaniya i tsennostnye orientiry [Multiple identity in contemporary Kazakhstani society: Philosophical foundations and value orientations]. *Vestnik Kazakhskogo natsionalnogo universiteta imeni al-Farabi. Seriya filosofii, kulturologii i politologii*, (1), 115–129. https://doi.org/10.48010/2026.1/1999-5911.09

Malygina, I. V. (2025). Ontologicheskie kontury identichnosti [Ontological contours of identity]. In *Fundamentalnye aspekty kulturologii: Kulturnaya identichnost* [Fundamental aspects of cultural studies: Cultural identity] (pp. 34–40). Institut naslediya. https://doi.org/10.34685/HI.2025.97.74.009

Nazarbaev, N. A. (1996). *Na poroge XXI veka* [On the threshold of the 21st century]. Öner. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002093141/

Ochirova, O. A., Antonov, V. I., Badmaev, V. N., Purevsuren, B., & Petrova, A. A. (2021). Sotsialnyi portret buddista-palomnika Buryatii: Ot traditsionnogo k onlain-formatu (po rezultatam sotsiologicheskogo issledovaniya) [Social portrait of a Buddhist pilgrim

in Buryatia: From the traditional to the online format (Based on the results of a sociological study)]. *Novye issledovaniya Tuvy*, (2), 79–91. https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.7

Tishkov, V. A. (2013). *Rossiiskii narod. Istoriya i smysl natsionalnogo samosoznaniya* [The Russian people: History and meaning of national self-consciousness]. Nauka. https://iea-ras.ru/?product=российский-народ-история-и-смысл-наци

Tokaev, K.-Zh. K. (2025, November 11). Vechnaya druzhba – putevodnaya zvezda dlya nashikh narodov [Eternal friendship is a guiding star for our peoples]. *Rossiiskaya gazeta*.

Trubitsyn, D. V. (2025). Globalizatsiya, modernizatsiya i natsionalnaya identichnost: Pozitivnyi sintez dannykh o dinamike makrosistem [Globalization, modernization, and national identity: A positive synthesis of data on the dynamics of macrosystems]. *Voprosy filosofii*, (7), 56–67. https://doi.org/10.21146/0042-8744-2025-7-56-67

Fukuyama, F. (2019). *Identichnost. Stremlenie k priznaniyu i politika nepriyatiya* [Identity: The demand for dignity and the politics of resentment]. Alpina Publisher. https://books.google.com/books?id=im-rDwAAQBAJ

Habermas, J. (1995). *Demokratiya, razum, nravstvennost* [Democracy, reason, morality]. KAMI. https://books.google.com/books?id=So8QAAAACAAJ

Huntington, S. (2004). *Kto my? Vyzovy amerikanskoi natsionalnoi identichnosti* [Who are we? The challenges to America's national identity]. AST. https://ast.ru/book/kto-my-vyzovy-amerikanskoy-natsionalnoy-identichnosti-022508/

Khrapov, S. A., & Kryuchkova, S. E. (2025). Natsionalnaya identichnost sovremennoi Rossii: Poisk modeli i riski konstruktivnogo formirovaniya [National identity of contemporary Russia: The search for a model and the risks of constructive formation]. *Voprosy filosofii*, (2), 5–15. https://doi.org/10.21146/0042-8744-2025-2-5-15

Khrenov, N. A. (2025). Stanovlenie identichnosti v prostranstve i vremeni Rossiiskoi tsivilizatsii [The formation of identity in the space and time of Russian civilization]. In *Fundamentalnye aspekty kulturologii: Kulturnaya identichnost* [Fundamental aspects of cultural studies: Cultural identity] (pp. 10–33). Institut naslediya. https://doi.org/10.34685/HI.2025.97.74.009

Hübner, K. (2001). *Natsiya: Ot zabveniya k vozrozhdeniyu* [The nation: From oblivion to revival]. Kanon+.

Сведения об авторе:

Антонов Владимир Иосифович – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Улан-Удэ, РФ, e-mail: wlanto@rambler.ru).

Information about the author

Antonov Vladimir Iosifovich – Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Ulan-Ude, Russia, e-mail: wlanto@rambler.ru).

Автор туралы мәлімет:

Антонов Владимир Иосифович – философия ғылымдарының докторы, профессор, Ресей Федерациясының еңбек сіңірген ғылым қайраткері (Улан-Удэ, Ресей, e-mail: wlanto@rambler.ru).

Поступила 10.04.2026
Принята 03.08.2026